
РАЗРЕШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СПОРОВ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ

А.Х. Абашидзе, А.В. Козьменко

Кафедра международного права
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются инвестиционные споры между принимающими государствами и инвесторами, возникающие из нарушения инвестиционных договоров. Автор показывает, что они могут стать предметом межгосударственного спора только по взаимному соглашению принимающего государства и государства инвестора. Далее в статье показано, что современные международные соглашения предусматривают взаимные права и обязанности инвесторов и принимающих инвестиции государств как объект международно-правовых обязательств. Нарушение прав и обязанностей со стороны принимающего инвестиции государства может служить основанием возникновения межгосударственного спора.

Ключевые слова: инвестиционные договоры, инвестиционные споры, арбитражный суд, МЦУИС, Вашингтонская конвенция 1965 г., инвестор.

Международные инвестиционные споры между государствами возникают в связи с различным толкованием и применением положений международных инвестиционных договоров и соглашений. Международные инвестиционные споры вытекают из нарушений положений международных инвестиционных соглашений, которые могут наносить ущерб правам иностранных частных инвесторов. Поскольку спор возникает из нарушения прав инвесторов, большинство современных инвестиционных соглашений предусматривает право инвесторов передавать спор в независимый арбитражный или судебный орган. Инвестиционные споры между принимающим государством и инвестором, возникающие из нарушения международных инвестиционных договоров, могут стать предметом межгосударственного спора только по взаимному согласию принимающего государства и государства инвестора.

В соответствии с положениями норм международного права, широко признанной доктриной и практикой инвестиционный спор между принимающим государством и инвестором из другого государства может стать предметом защиты со стороны государства инвестора лишь тогда, когда будут исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты в соответствии с законодательством принимающего государства.

Положение об исчерпании всех внутригосударственных правовых средств защиты *lex situs* ясно свидетельствует о том, что решение национального суда не может быть окончательным по спору, а является лишь необходимым услови-

ем перед обращением за правовой защитой в международно-правовые арбитражные органы [24. Р. 603]. Таким образом, лишь отодвигается преждевременное использование государствами права на оказание дипломатической защиты, что в свою очередь снижает количество потенциальных международных споров и разногласий между суверенными государствами.

Однако, по мнению некоторых авторитетных ученых, в практике могут встречаться случаи, когда иностранные физические и юридические лица вправе непосредственно обратиться за дипломатической защитой к собственному правительству, игнорируя национальные правовые средства защиты, предусмотренные в законодательстве иностранного государства. Так, профессор Б. Уортли говорит о трех следующих случаях: 1) местные суды явно зависимы от органов исполнительной власти; 2) ущерб причинен иностранцу или его собственности непосредственно правительством принимающего инвестиции государства; 3) изъятие иностранной собственности осуществляется местной властью на основании национального законодательного акта, противоречащего принципам и нормам международного права [25. Р. 140]. С таким мнением соглашается исследователь И.С. Реснянский [13. С. 98].

Для передачи спора на международный уровень государство инвестора должно сообщить принимающему инвестиции государству о своих претензиях и направить требование возместить ущерб, нанесенный неправомерными действиями последнего. При наличии согласия со стороны каждого из спорящих государств спор может быть урегулирован с помощью переговоров и консультаций или передан на рассмотрение международного судебного органа или арбитража. В решении по делу *Chorzow Factory* в 1927 г. Постоянная палата международного правосудия указала, что «международное право не ограничивает государство от предоставления другому государству права на обращение за правовой помощью в независимый международный третейский арбитраж в порядке защиты своих физических или юридических лиц для получения решения о выплате компенсации таким лицом, пострадавшим вследствие действий первого государства, нарушившего нормы международного права» [23].

Современные международные инвестиционные соглашения предусматривают взаимные права и обязанности инвесторов и принимающих инвестиции государств как объект международно-правовых обязательств. Нарушение прав и обязанностей со стороны принимающего инвестиции государства может служить основанием возникновения межгосударственного спора.

Процедуры урегулирования межгосударственных инвестиционных споров, связанных с защитой прав иностранных частных инвесторов, содержатся в положениях двусторонних инвестиционных договоров (ДИД).

Многие действующие двусторонние инвестиционные договоры содержат обязательство сторон проводить консультации относительно любого вопроса, касающегося указанного соглашения, по инициативе любой из сторон. Например, ст. VI договора между Соединенными Штатами Америки и Аргентиной о взаимном поощрении и защите инвестиций устанавливает, что «стороны обя-

зуются по просьбе одной из них незамедлительно участвовать в консультациях с целью разрешения любых споров в отношении данного договора или обсуждения любого вопроса, относящегося к толкованию или применению данного договора» [5]. Аналогичная норма включена во многие двусторонние инвестиционные соглашения США.

Многие двусторонние соглашения Российской Федерации о поощрении и взаимной защите капиталовложений предусматривают, что «договаривающиеся стороны по просьбе любой из них проводят консультации по вопросам, касающимся толкования или применения настоящего соглашения» [14. Ст. 12].

Во всех перечисленных соглашениях используется очень широкая формулировка в отношении вопросов, которые могут быть предметом консультаций. Фактически консультации могут проводиться по любому вопросу, связанному с инвестиционным соглашением. В то же время все упомянутые соглашения предусматривают в различных формах право каждой из сторон передать спор, который не был урегулирован дипломатическим путем, на рассмотрение международного судебного или арбитражного органа.

Упомянутый договор между Соединенными Штатами и Аргентиной о взаимном поощрении и защите инвестиций 1991 г. включает следующее положение (п. 1 ст. VIII): «Любой спор между сторонами, касающийся толкования или применения [настоящего] договора, который не был урегулирован посредством консультаций и дипломатическим путем, по просьбе одной из сторон может быть передан в арбитражный трибунал для решения спора на основании применимых норм международного права, и это решение будет обязательным для сторон» [5]. Подобным образом, в соответствии с соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Аргентинской Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений (п. 2 ст. 11), «если ... спор не урегулирован в течение шести месяцев с начала переговоров, то по требованию любой из договаривающихся сторон он передается на рассмотрение третейского суда» [15].

Приведенные двусторонние инвестиционные соглашения сочетают нормы, обязывающие государств-участников проводить консультации по любым вопросам, связанным с инвестиционным соглашением, с положениями, позволяющими передавать нерешенные таким способом вопросы на рассмотрение третьей стороны. В связи с этим у некоторых исследователей [1. С. 38] возникает вопрос — может ли нарушение прав инвестора по рассматриваемым соглашениям стать предметом межгосударственного спора?

В деле Элси (Elsi), рассмотренном Международным судом ООН в 1989 г., правительство США вступило в спор с Италией в порядке осуществления дипломатической защиты для американской компании Raytheon Manufacturing Company, владевшей фирмой по производству электротехнического оборудования Elettronica Secula S.p.A., зарегистрированной по законодательству Италии. Raytheon осуществляла инвестиции в свою дочернюю фирму, в том числе предоставляя ей права пользования своими патентами и лицензиями. Однако позд-

нее американская материнская компания прекратила инвестировать, и было принято решение о свертывании бизнеса в Италии. Весь персонал Elettronica Secula получил уведомление об увольнении. В защиту интересов производства и работников выступил мэр г. Палермо (Италия), который своим постановлением реквизирует завод. Решением от 20 июля 1989 г. Международный суд ООН отклонил претензии США на основании недоказанности ущерба, понесенного субъектом национального права США.

В практике встречаются международные инвестиционные договоры, в положениях которых специально закрепляется согласие государств-участников на рассмотрение их споров с инвесторами других государств-участников в независимых международных арбитражных или судебных органах без применения требования об исчерпании местных административных и судебных средств защиты [2. С. 45]. В тексте таких соглашений одновременно предусматривается порядок разрешения межгосударственных споров.

Подобное сочетание арбитражной оговорки с положениями об урегулировании международных споров между договаривающимися государствами оставляет вероятность возникновения параллельных процедур урегулирования споров между государствами в рамках осуществления дипломатической защиты. Параллельное рассмотрение спора по одним фактическим основаниям может привести к принятию противоречащих решений по одному и тому же спору.

В такой ситуации сложно найти однозначный ответ. Можно предположить, что в силу прямо выраженного согласия принимающего инвестиции государства на рассмотрение спора с иностранным инвестором в независимом арбитражном органе после возникновения спора до вынесения окончательного решения таким арбитражным органом государство, под юрисдикцией которого находится иностранный инвестор, не вправе инициировать международно-правовую процедуру урегулирования межгосударственного спора по тем же основаниям.

Таким образом, речь идет о применении аналогии с нормой об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты. При отсутствии прямого запрета на параллельное рассмотрение спора может быть сделан вывод о возможности подобной ситуации, если учесть, что стороны в данных судебных процедурах будут различными.

Во избежание подобных правовых проблем некоторые соглашения предусматривают отказ участвующих государств от права на осуществление дипломатической защиты в случае начала непосредственного рассмотрения спора между иностранным инвестором и принимающим государством. Примером может служить Вашингтонская конвенция 1965 г. «Об урегулировании инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами», ссылку на которую содержат многие двусторонние инвестиционные соглашения. Пункт 1 ст. 27 указанной Конвенции предусматривает, что «ни одно договаривающееся государство не предоставляет дипломатической защиты и не предъявляет международного иска в отношении спора, который одно из его физических или

юридических лиц и другое договаривающееся государство согласилось передать или передала в арбитраж на основании настоящей Конвенции, кроме случая, когда другое такое договаривающееся государство не соблюдает или не выполняет арбитражное решение, вынесенное по такому спору» [7].

В этой связи необходимо отметить, что некоторые двусторонние инвестиционные соглашения отдельно регулируют данный вопрос. Например, двустороннее соглашение между Великобританией и Объединенными Арабскими Эмиратами 1992 г. предусматривает (п. 4 ст. 3), что «ни одна из договаривающихся сторон не будет рассматривать в порядке дипломатической защиты любой спор, переданный на рассмотрение Центра [Международный центр по урегулированию инвестиционных споров — МЦУИС], если: (а) генеральный секретарь Центра, примирительная комиссия или сформированный ей арбитражный трибунал не вынесут решения о том, что спор находится вне юрисдикции Центра; или (b) другая договаривающаяся сторона не допустит нарушений в отношении исполнения и соблюдения решения, вынесенного арбитражным трибуналом» [19]. Аналогичная норма включена в типовое двустороннее инвестиционное соглашение Великобритании 1991 г. [12. С. 23].

В отсутствие положения в международном инвестиционном соглашении об урегулировании спора между иностранным инвестором и принимающим инвестиции государством в независимых арбитражных или судебных органах дипломатическая защита остается единственным применимым средством правовой защиты на международно-правовом уровне. При этом исковые требования, вытекающие из положений двустороннего инвестиционного соглашения, явно имеют преимущество перед требованиями, вытекающими из обычно-правовых норм.

Во-первых, в ДИД, как правило, содержится письменное соглашение договаривающихся сторон о процедуре рассмотрения межгосударственных споров, тогда как в спорах, вытекающих из нарушений обычных норм международного права, механизм урегулирования споров является предметом отдельных межгосударственных переговоров.

Во-вторых, положения ДИД наделяют принимающее инвестиции государство более широким кругом прав в отношениях с иностранным инвестором, в отличие от тех прав, которые вытекают из обычных норм международного права.

Ряд ДИД предусматривает возможность суброгации, или перехода прав инвестора в отношении принимающего инвестиции государства государству инвестора. Если государство инвестора производит выплату инвестору в порядке возмещения ущерба, гарантии или страхования в отношении капиталовложений и доходов инвестора на территории другой договаривающейся стороны, то принимающее инвестиции государство признает передачу государству инвестора любых прав и требований инвестора в отношении капиталовложений и доходов, в счет которых платеж был произведен. Наряду с государством инвестора в соглашении право на суброгацию прав и требований инвестора может быть предоставлено уполномоченному органу или агентству государства инвестора. В ряде соглашений риски инвестора, которые могут служить основанием

для суброгации, ограничиваются некоммерческими рисками (1). Другие соглашения не предусматривают подобных ограничений.

В соответствии с соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Аргентинской Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений, «если договаривающаяся сторона или уполномоченный ею орган произведут платеж инвестору на основе гарантии от некоммерческих рисков в связи с его капиталовложением на территории другой договаривающейся стороны, то они смогут осуществлять в порядке суброгации права инвестора в том же объеме, что и сам инвестор» (ст. 9) [16].

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о поощрении и защите капиталовложений предусматривает более широкий круг рисков, платежи по которым могут стать основанием для суброгации. Согласно данному соглашению, «если одна договаривающаяся сторона или уполномоченное ею агентство производит платеж любому инвестору этой договаривающейся стороны в порядке возмещения, гарантии или в рамках договора страхования ... в отношении капиталовложений и доходов на территории другой договаривающейся стороны, то такая другая договаривающаяся сторона признает передачу первой договаривающейся стороне или уполномоченному ею агентству любого права или требования такого инвестора в отношении таких капиталовложений и доходов, в счет которых такой платеж был произведен, и суброгацию первой договаривающейся стороной или уполномоченным ею агентством в отношении любого требования или основания для действий такого инвестора, возникшего в связи с этим» (ст. 7) [17].

В этой связи можно выделить три категории потенциальных инвестиционных споров между государствами, в которых государство инвестора может основать свои требования на нарушение прав его физического или юридического лица. К первой категории относятся споры, вытекающие из нарушений обычных норм международного права. Ко второй — споры, вытекающие из нарушений договорных норм международных инвестиционных соглашений.

Споры этих двух категорий различаются наличием во втором случае положений в соглашениях о процедуре решения спора.

Наконец, к третьей категории относятся споры, вытекающие из требований и прав, переданных государству инвестора в порядке суброгации. С точки зрения инвестора, третья категория предпочтительна, поскольку компенсация убытков производится государством инвестора вне зависимости от исхода последующего межгосударственного спора. Еще одним преимуществом суброгации является то, что принимающее инвестиции государство берет на себя обязательство признать переход всех прав инвестора к государству инвестора.

Таким образом, принимающее государство отказывается от применения обычно-правовой нормы, в соответствии с которой необходимо исчерпание внутренних средств правовой защиты до начала осуществления дипломатической защиты. Поэтому можно считать, что последняя из трех схем наиболее удачна с точки зрения поощрения инвестиций.

Межгосударственные споры, не связанные с конкретными инвесторами и их субъективными правами, можно разделить на две основные категории в зависимости от объекта спора. К первой категории относятся споры, связанные с толкованием положений международных договоров. Термин «инвестиции» стал употребляться в международных договорах сравнительно недавно. Обычное международное право оперирует термином «собственность иностранцев» [11. С. 91]. С точки зрения развития международно-правового регулирования инвестиционных отношений термин «собственность иностранцев» вряд ли следует признать удачным, поскольку он не отражает разницы между капиталом, ввозимым в государство иностранцами с целью вложения свободных экономических ресурсов и получения прибыли, и иной собственностью иностранцев.

Под собственностью иностранцев в данном случае подразумеваются имущественные права лиц, проживающих на территории иностранного государства постоянно или в течение настолько длительного периода, что можно признать отсутствие связи между трансграничным движением капитала и имущественными правами иностранцев.

Каждое международное инвестиционное соглашение по-своему определяет такие ключевые термины, как «инвестиции» или «капиталовложения», «инвестор», «доходы», «компания другой стороны», «собственность» и «контроль над компанией», «территория» и др. Поскольку ДИД могут преследовать различные цели и всегда являются результатом согласования позиций различных государств, содержащиеся в них определения отражают уникальные обстоятельства заключения каждого подобного договора. Существенные положения договора вырабатываются, как правило, путем переговоров. Поэтому впоследствии нельзя исключить возможности возникновения разногласий договаривающихся сторон по вопросу толкования как определений, так и иных существенных положений.

Вторая категория межгосударственных споров связана с действиями сторон, которые можно квалифицировать в качестве нарушений обязательств по договору. Эти нарушения, в свою очередь, подразделяются на те, которые затрагивают субъективные права определенных инвесторов, и те, которые противоречат нормам ДИД, не вызывая спора между инвестором и принимающим государством. В тех случаях, когда двусторонний инвестиционный договор предусматривает возможность непосредственных процедур урегулирования споров между инвестором и принимающим государством наряду с процедурами урегулирования межгосударственных споров, одни и те же действия государств могут квалифицироваться одновременно как основания для спора между сторонами двустороннего инвестиционного договора и спора между инвестором и принимающим инвестициями государством [22. С. 78].

При этом необходимо отметить, что в отличие от параллельных споров, возможность возникновения которых рассматривалась выше, в данном случае речь идет не об осуществлении дипломатической защиты, а о нарушении международно-правового обязательства. Соответственно, государство инвестора

будет требовать не компенсации от имени физического или юридического лица, а приведения международной правоприменительной практики принимающего инвестиции государства в соответствие с нормами двустороннего инвестиционного договора.

Однако данное обстоятельство не исключает возможности принятия противоречащих решений различными органами по рассмотрению соответствующих споров между иностранным инвестором и принимающим инвестиции государством и между договаривающимися государствами по одним и тем же фактическим основаниям. Например, гипотетически МЦУИС может принять решение о правомерности действий принимающего инвестиции государства и отказать на этом основании иностранному инвестору в иске. В то же время международный арбитраж выносит решение по спору между двумя суверенными государствами, что действия принимающего инвестиции государства, явившиеся основанием иска иностранного инвестора в первом деле, противоречат международно-правовым обязательствам принимающего инвестиции государства.

В таком случае принимающее инвестиции государство будет обязано привести свою правоприменительную практику в соответствие с решением третейского суда. В то же время на нем не будет лежать обязанности возместить ущерб, причиненный такой практикой инвестору, спор с которым рассматривался МЦУИС. Данное противоречие урегулировать сложно, поскольку оба спора имеют правомерные основания, и соблюдение решений по каждому из них возможно, даже если арбитражные или судебные органы, рассматривавшие споры, пришли к противоположным заключениям.

Если же действия, которые могут рассматриваться как нарушение двустороннего инвестиционного договора, не затрагивают субъективные права инвестора, они могут быть только предметом межгосударственного спора. Рассмотрение подобных споров регулируется соответствующими предварительными или последующими соглашениями спорящих государств.

Особенности разрешения инвестиционных споров между государствами состоят прежде всего в том, что рассмотрение таких споров возможно только с согласия спорящих государств.

При применении статей международных инвестиционных соглашений, посвященных урегулированию споров между государствами, необходимо определить круг споров, на которые распространяются договорные нормы. Можно выделить две основные модели, используемые в инвестиционных соглашениях. Образцом первой модели является ст. VIII модельного двустороннего инвестиционного соглашения США 1994 г., в соответствии с которой «стороны обязуются по просьбе одной из них незамедлительно участвовать в консультациях с целью разрешения любых споров, связанных с договором, или в обсуждении любого вопроса, относящегося к толкованию или применению данного договора, или к осуществлению его целей» [21. С. 26].

Данное соглашение предусматривает обязательство сторон проводить консультации как в отношении «споров», так и в отношении «вопросов». При этом

охватываемый круг споров и вопросов очень широк. Консультации должны проводиться в отношении споров, «связанных с договором», а также в отношении вопросов, «относящихся к толкованию или применению договора, или к осуществлению его целей». Предусмотренные данной статьей основания проведения консультаций охватывают практически все виды разногласий, которые могут возникнуть относительно соглашения.

Таким образом, данная модель исключает возможность уклонения одной из сторон от рассмотрения спора и вопроса. Разновидностью этой модели является модельное двустороннее инвестиционное соглашение, принятое в Чили. Согласно двум отдельным статьям данного модельного соглашения, «договаривающиеся стороны будут предпринимать попытки урегулировать любые разногласия между ними относительно толкования и применения данного соглашения путем переговоров», а также «договаривающиеся стороны будут по заявлению одной из них проводить консультации по любому вопросу, касающемуся толкования или применения настоящего соглашения» [21. С. 27]. Разница с моделью США заключается лишь в разделении положений о рассмотрении споров и вопросов, но результат данной нормы тот же.

Примером второй модели является ст. 9 (1) модельного двустороннего инвестиционного соглашения, принятого в Швейцарии, которое предусматривало лишь то, что «споры между договаривающимися сторонами относительно толкования или применения положений настоящего Соглашения будут разрешаться по дипломатическим каналам» [21. С. 28]. Эта норма означает, что процедуры урегулирования вступают в действие только в том случае, если стороны признают существование спора относительно толкования или применения соглашения. Основное отличие данной модели от первой заключается в том, что первая модель предусматривает обязательство участвовать в консультациях по заявлению одной из сторон.

Применение процедуры урегулирования в соответствии со второй моделью в большей степени зависит от доброй воли сторон. В качестве иллюстрации можно представить ситуацию, когда принятие нового законодательства одной из сторон в отношении инвестиционного соглашения грозит неблагоприятными последствиями для инвесторов другой стороны. Если первая модель предусматривает обязанность государств незамедлительно провести консультации по заявлению одного из них, то вторая позволяет откладывать рассмотрение этого вопроса до принятия законодательства на том основании, что он еще не стал предметом спора между государствами.

В ДИД Российской Федерации применяются обе модели. Статья 12 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Аргентинской Республики предусматривает, что «договаривающиеся стороны по просьбе любой из них проводят консультации по вопросам, касающимся толкования или применения ... соглашения» [16].

В соответствии с п. 1 ст. 11 того же соглашения «споры между договаривающимися сторонами относительно толкования и применения ... соглашения

разрешаются путем переговоров по дипломатическим каналам» [16]. Похожие статьи содержатся в соглашениях с ЮАР, Японией, Канадой, Норвегией, Данией и другими государствами. Вторая модель использована в соглашениях с Великобританией, Францией, Италией, Швейцарией, КНР, Германией, Швецией и рядом других государств. Данные соглашения предусматривают, что «споры между сторонами, касающиеся токования или применения ... соглашения, должны, по возможности, решаться по дипломатическим каналам» [20], «путем переговоров» [6] или «мирным путем» [18].

В ряде случаев применение процедур разрешения межгосударственных споров может быть ограничено. Наиболее распространенное ограничение связано с теми случаями, когда применение одной из альтернативных процедур решения споров исключает возможность использования других процедур. Глава 20 о процедурах урегулирования и методах разрешения споров Соглашения НАФТА устанавливает, что спор между сторонами по вопросам, регулируемым одновременно Соглашением НАФТА и соглашениями в рамках Всемирной торговой организации (ВТО), может быть по выбору подающей жалобу стороны рассмотрен в соответствии с гл. 20 или согласно Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров (ДРС) ВТО. Та же статья предусматривает, что передача спора для урегулирования одним из указанных методов исключает возможность использования другого метода. Однако ответчику предоставляется возможность перенести рассмотрение спора, затрагивающего санитарные и фитосанитарные меры, а также меры, связанные со стандартами (гл. 7 и 9 Соглашения НАФТА), даже если спор изначально был подан на рассмотрение в соответствии с ДРС.

Некоторые инвестиционные соглашения предусматривают определенные условия, отменяющие действие норм об урегулировании споров. Многие двусторонние инвестиционные договоры США включают следующее положение: «Настоящий договор не препятствует применению каждой из сторон мер, необходимых для поддержания общественного порядка, исполнения своих обязательств в отношении поддержания и восстановления международного мира и безопасности или в интересах обеспечения необходимого уровня собственной безопасности» [3].

Сам договор не раскрывает, что следует понимать под «мерами, необходимыми для обеспечения собственной безопасности», но послание Президента США сенату при внесении указанного договора на ратификацию уточняет, что «меры, допускаемые в соответствии с положением об интересах безопасности одной из сторон, будут включать связанные с безопасностью действия, предпринимаемые во время войны или общегосударственной чрезвычайной ситуации действия, не связанные с состоянием войны или общегосударственной чрезвычайной ситуацией, должны иметь ясную и прямую связь с интересами необходимой безопасности этой стороны» [9].

Пункт 1 ст. XIV Соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций между США и Иорданией содержит положение, аналогичное приведенному выше, за исключением ссылки на поддержание общественного порядка [4]. Тем

не менее в послании Сенату в связи с передачей данного договора на ратификацию президент США указал, что «меры, предпринимаемые сторонами для защиты своей безопасности, не требуют объяснений, но каждая сторона полагается на добросовестное выполнение положений договора другой стороной» [10].

Однако указанные заявления президента США были сделаны им перед государственным органом США, и другие договаривающиеся государства не выражали согласия или возражений в отношении данных заявлений и не могут считаться связанными ими.

В отличие от этих заявлений Протокол к Договору о поощрении и защите иностранных инвестиций между РФ и США является в соответствии со ст. XIII названного договора его неотъемлемой частью. Пункт 1 ст. X названного договора предусматривает, что «договор не будет препятствовать применению любой из сторон мер, необходимых для поддержания общественного порядка, выполнения ею обязательств в отношении поддержания или восстановления международного мира или безопасности либо защиты своих существенных интересов безопасности». В параграфе 8 протокола к названному договору стороны выражают взаимное понимание того, что «любая мера, предпринятая стороной для защиты своих существенных интересов безопасности [в соответствии с п. 1 ст. X], не требует объяснений». Таким образом, одна из сторон вправе отказать от рассмотрения спора, сославшись на интересы безопасности.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Традиционно ограничения на перевод валюты, экспроприация и приравненные к ней меры, нарушение принимающим государством договора с инвестором и невозможность судебной защиты прав инвестора, войны и гражданские беспорядки наиболее часто относятся к некоммерческим рискам. Гарантии по перечисленным рискам предоставляет Многостороннее агентство по гарантиям инвестиций [8].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абрамов Э.М.* Международная практика урегулирования инвестиционных споров. — СПб., 2005.
- [2] *Георгиев В.К.* Защита и поощрение иностранных инвестиций. — М., 2004.
- [3] Договор между Правительством США и Правительством Республики Латвия о поощрении и взаимной защите инвестиций. Вашингтон, 13 января 1995 г.
- [4] Договор между Правительством США и Правительством Хашимитского Королевства Иордания о поощрении и взаимной защите инвестиций. Амман, 2 июля 1997 г.
- [5] Договор между Соединенными Штатами и Аргентиной о взаимном поощрении и защите инвестиций. Вашингтон. 14 ноября 1991 г.
- [6] Договор между СССР и ФРГ о содействии осуществлению и взаимной защите капиталовложений. Москва, 13 июня 1989 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. — М., 1994. — С. 206–211.
- [7] Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими и юридическими лицами других государств. Вашингтон, 18 марта 1965 г. // Советский журнал международного права. — 1991. — Ч. 2. — С. 210–229.

- [8] Конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций. Вашингтон, 1985 г. // *Международно-правовые основы иностранных инвестиций в России: Сборник нормативных актов и документов.* — 1995. — С 197–276.
- [9] Послание Президента Соединенных Штатов Сенату при передаче Договора между Правительством США и Правительством Республики Латвия о поощрении и взаимной защите инвестиций с приложением и протоколом. Вашингтон, 13 января 1995 г.
- [10] Послание Президента Соединенных Штатов Сенату при передаче Договора между Правительством США и Правительством Хашимитского Королевства Иордания о поощрении и взаимной защите инвестиций с приложением и протоколом. Амман, 2 июля 1997 г.
- [11] *Радзиховский В.М.* Иностранные инвестиции и их правовое регулирование. — Киев, 1998.
- [12] *Резников В.В.* Вопросы международных инвестиционных соглашений. — СПб., 1996.
- [13] *Реснянский И.С.* Правовое регулирование межгосударственных и инвестиционных споров. — Новосибирск, 1999.
- [14] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Южно-Африканской Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений. Москва, 23 ноября 1998 г. // *Бюллетень международных договоров.* — 2001. — № 9. — С. 31–37.
- [15] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Аргентинской Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений. Москва, 23 ноября 1998 г. // *Собрание законодательства Российской Федерации.* — 2001. — № 5. — Ст. 537.
- [16] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Аргентинской Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений. Москва, 25 июня 1998 г. // *Московский журнал международного права.* — 2000. — № 1. — С. 310–315.
- [17] Соглашение между Правительством Российской Федерации и правительством Японии о поощрении и защите капиталовложений. Москва, 13 ноября 1998 г. // *Бюллетень международных договоров.* — 2000. — № 40. — С 26–35.
- [18] Соглашение между Правительством РФ и Правительством Королевства Швеция о поощрении и взаимной защите капиталовложений. Москва, 19 апреля 1995 г. // *Бюллетень международных договоров.* — 1997. — № 2. — С. 48–53.
- [19] Соглашение между Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Правительством Объединенных Арабских Эмиратов о поощрении и защите инвестиций. Дубай, 8 декабря 1992 г. URL: <http://www.fco.gov.uk/Filebkfile>.
- [20] Соглашение между Правительством СССР и правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о поощрении и взаимной защите капиталовложений. Москва, 6 апреля 1989 г. // *Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации.* Вып. XLVII. — М., 1994. — С. 206–211.
- [21] Статьи ЮНКСТАД по вопросам международных инвестиционных соглашений: UNCTAD/ITE/IT/2003/1. — Нью-Йорк, Женева, 2003.
- [22] *Туровский С.И.* Инвестиционный спор между государствами: теория и практика. — Краснодар, 1995.
- [23] *Chorzow Factory Case Germany v. Poland 1923- PCU Reports ser. A. No. 17.47.*
- [24] *Schwarzenberger O.G.* International Law. Vol. 1 (3 ed.). 1957.
- [25] *Worthly B.* Expropriation in Public International Law. 1959.

SETTLEMENT OF INTERNATIONAL INVESTMENT DISPUTES BETWEEN STATES

A.Kh. Abashidze, A.V.Kozmenko

The Department of International Law
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article analyzes investment disputes between host States and investors occurring from a breach of investment treaties. The author suggests that they can become a subject of intergovernmental dispute only by mutual agreement of the receiving State and the State of the investor. Further, the article shows that the current international agreements provide for mutual rights and obligations of investors and the investment decision as an object of international legal obligations. Violation of the rights and obligations of the host state's investment may warrant of interstate dispute.

Key words: investment treaties, investment disputes, arbitrary executions, ICSID, Convention on the settlement of investment disputes between states and nationals of other states, investor.